

ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА АНДРЕЕВА

КОНСТАНТА В ТРАНЗИТИВНОМ МИРЕ
(1924 – 2014)

Андреевой дань сердца и ума...
Все мы вышли из этой шинели...

Галина Михайловна Андреева ... Королева психологии, выдающийся ученый, создатель кафедры социальной психологии в Московском университете, (и социальной психологии де факто), обаятельная женщина, красавица. Она с легкостью могла сочинить глубокую научную статью и остроумные стихи, подготовить блестящую лекцию и великолепный обед, создать кафедру и крепкую дружную семью... В ней, казалось, умещался не один человек, а несколько людей, причем людей одинаково интересных, умных, глубоких и креативных. Ее феноменальная творческая активность и разносторонность дарований только подчеркивали поразительную целостность и цельность ее натуры. Поэтому неудивительно, что ощущение образа ГМ как константы в том вихре изменений, которые происходили и происходят в окружающем мире, не только не проходит, но лишь усиливается со временем.

* * *

Галина Михайловна Андреева родилась 13 июня 1924 года в Казани, в семье врачей. Ее мать, Андреева Мария Николаевна, была врачом-невропатологом. Она работала в республиканской психиатрической больнице и преподавала в институте усовершенствования вра-

чей — ГИДУВ. Отец, Андреев Михаил Петрович, доктор медицинских наук, профессор. Заведовал кафедрой психиатрии Казанского мединститута и одновременно возглавлял Казанскую психиатрическую клинику. Русские интеллигенты, для них понятие «моральный долг» было не абстрактным термином, но важным смысловым полем, которое определяло многие поступки и отношение к жизни и окружающим. Галина Михайловна писала о том, что основной чертой отца была какая-то «неутолимая жажда независимости». Это проявлялось в весьма критичных суждениях по поводу распоряжений начальства, в достаточно «вольнодумных» высказываниях и даже поступках, развитом чувстве юмора, сарказма. Эти качества в полной мере унаследовала и Галина Михайловна, они ярко отразились в стиле ее общения с начальством, ее суждениях и социальных представлениях и, конечно, в ее стихах.

Характерной чертой семейной атмосферы было предельно ответственное отношение к жизни вообще и к работе в частности. Родители любили науку, в семье царил культ высокоответственного отношения к преподаванию, к лекциям. Михаил Петрович готовился к лекциям всегда очень серьезно и сосредоточенно. В своих воспоминаниях Галина Михайловна писала, что с детства знала фразу — «Папа занимается». Это

значит, что нельзя входить в его кабинет, беспокоить и отвлекать от работы. По воспоминаниям людей, которые слышали лекции Михаила Петровича, он был блестящим лектором, на его лекции по психиатрии всегда приходило очень много народа, они были очень глубокие и интересные, живые, с юмором.

Галина Михайловна в полной мере унаследовала от отца это отношение к преподаванию, к подготовке лекций. Она готовилась к лекциям до последнего дня (последнюю лекцию она прочитала за неделю до того, как попала в больницу) и была предельно сосредоточена в это время, абсолютно включена в процесс подготовки. Серьезное и уважительное отношение к преподаванию потом воспроизводилось и в семье Галины Михайловны и ее дети тоже знали, что подготовка к лекциям — это святое время маму отвлекать нельзя.

Влияние семьи сказалось, конечно, не только на отношении к работе, к преподаванию, оно было значительно шире. Можно предположить, что именно от отца Галина Михайловна унаследовала такие черты характера как твердость, бескомпромиссность, принципиальность в наиболее важных для нее вопросах. Причем именно для нее, что могло не совпадать в общепринятой шкалой оценок. От матери же, передались Галине Михайловне чуткость и душевная щедрость. Поэтому в характере ГМ был редко встречающийся органичный сплав этих качеств, которые не часто сочетаются у одного человека. Для атмосферы в семье была характерна внутренняя дисциплина, организованность, привычка к жесткому распорядку дня, что было яркой характеристикой и Галины Михайловны и что она (не всегда, возможно, успешно) старалась привить и своим домашним. А вот отсутствие прагматизма и стремления к материальному обогащению как ведущему мотиву было свойственно не только родительской, но и собственной семье Галины Михайловны. Еще одной важной чертой, которую ГМ переняла от своих родителей, было признание права ребенка на

принятие самостоятельного решения, уважение к личности детей.

Помимо родителей, большое значение для Галины Михайловны имела ее школа. Она всю жизнь с большой благодарностью вспоминала школу и говорила, что обширные знания по разным предметам она получила именно в школе. Правда и школа, в которой она училась, была лучшей в Казани.

И, конечно, на формирование ее личности огромное влияние оказал фронт, фронтовая жизнь, в которой смешалось и опасности, и непривычный быт, и братство по оружию. Ведь на фронт она ушла совсем девочкой в 17 лет. После окончания школы с золотой медалью она послала документы на физический факультет Ленинградского университета по специальности геодезия северных морей. Однако 22 июня 1941 года смешало все ее планы, она поступила на курсы радистов и после их окончания ушла на фронт.

После войны Галина Михайловна решила поступать на философский факультет Московского университета. И с этого времени ее жизнь была связана с Москвой и с МГУ. Здесь же на философском факультете она познакомилась со своим будущим мужем. Андрей Сергеевич Ковальчук — доктор философских наук профессор. До войны начал

учиться на философском факультете ИФЛИ. Воевал, был тяжело ранен, а после войны, так как ИФЛИ был расформирован, продолжил обучение уже на философском факультете МГУ. В семье он был моральным авторитетом, опорой и главным советчиком Галины Михайловны в принятии наиболее важных жизненных решений. Возможно, что крепкий «семейный тыл» не только поддерживал Галину Михайловну эмоционально, но и помогал реализации ее творческой активности¹.

* * *

Окончив в 1950 году факультет философии, Г.М. Андреева защитила кандидатскую диссертацию, а в 1965 году и докторскую диссертацию «Методологические проблемы эмпирического социального исследования». В 1969 году на философском факультете ею была создана кафедра методики конкретных социальных исследований. В 1971 году по приглашению декана факультета психологии А.Н. Леонтьева она перешла на этот факультет, создав в 1972 году первую в МГУ кафедру социальной психологии. В 1993 году Г.М. Андреева была

избрана действительным членом Российской академии образования по Отделению психологии и возрастной физиологии. Она награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, Дружбы народов, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», удостоена званий заслуженный деятель науки РФ (1984), «Заслуженный профессор Московского университета» (1996), «Почетный доктор университета Хельсинки» (2000). Г.М. Андреевой подготовлено 48 кандидатов и 9 докторов наук, написано более 200 научных работ, опубликованных в российских и зарубежных изданиях.

Эти сухие и официальные данные фиксируют направления и достижения творческой деятельности профессора Г.М. Андреевой, однако не раскрывают истинного значения созданного ею, масштабности ее работ и их роли в развитии отечественной психологии и отечественной науки в целом.

Она была душой и умом того незримого колледжа (как любил говорить мой учитель М.Г. Ярошевский) который объединял и объединяет многих ученых. Недаром студенты предлагали переставить буквы в названии нашего университета — МГУ переименовать в У Г.М. Ей удалось не только фактически с нуля создать здание российской научной социальной психологии, но и провести свой корабль через бури, рифы и подводные мели, превратив социальную психологию в одно из ведущих и приоритетных направлений психологической науки.

В истории науки всегда действуют два фактора — субъективный и объективный, логика развития, уровень знаний о человеке и состоянии общества, социальная ситуация развития науки и личность ученых, ее создающих. Объективный фактор был связан с назревшей в середине XX века необходимо-

¹ За помощь, оказанную при работе над этой статьей, автор выражает глубокую признательность Марине Андреевне Ковальчук.

стью возрождения социальной психологии в России, рефлексии ее предыдущего пути, ее предмета, ее социологических и философских оснований, ее связи с психологией. Субъективный фактор — личность человека, который мог бы соединить воедино эти направления и заложить основания развития новой/старой дисциплины. И закономерно, что одной из основных фигур отечественной социально психологической науки была и остается Г.М. Андреева.

Г.М. Андреева оказалась в точке бифуркации, когда кумуляция знаний и опыт исследований, который имела социальная психология, мог привести к ее развитию в нескольких направлениях, доминантами в которых

были бы исследования коллектива, процесса восприятия человека человеком, межгруппового взаимодействия и т. д. Однако приоритетным стал междисциплинарный дискурс, соединяющий в себе социологический подход к эмпирике, философский — к осмыслению собранного материала и психологический к его интерпретации. Эта междисциплинарность органично связывается с современной методологией, а потому есть уверенность в том, что методологический «запас прочности», созданный Г.М. Андреевой может обеспечить плодотворное развитие социальной психологии, несмотря на все трудности и проблемы, переживаемые ею в настоящий период.

Полипарадигмальный характер социальной психологии, тесно связанной и с социологией, традиционно являющейся гуманитарной наукой, и с психологией, развивавшейся в последнее столетие в естественнонаучной парадигме, ставил в качестве одной из основных задачу выбора методологии и обоснования метода исследования. В этом плане особенно важным представляется то, что философские принципы изначально включались в социальную психологию наряду с естественнонаучными. Хотя современное разочарование в естественнонаучной психологии во многом справедливо, однако это не значит, что психологическая наука должна обходиться без методологии как таковой. Фундаментальная наука не может обойтись без методологической рефлексии, не может оставаться в границах чистой эмпирики, даже не пытаясь объяснить полученные факты. В противном случае на ее месте разрастается сакральная псевдонаука, которая оперирует не фактами, но установками, основанными на разнообразных верованиях.

Тот факт, что изначально социальная психология рассматривалась именно как межпредметная дисциплина, имел огромное значение для ее становления, так как именно в междисциплинарном и, шире, в межкультурном взаимодействии может быть сформировано новое понимание человека в системе многомерных взаимоотношений, которые он создает в процессе жизни. Междисциплинарный характер социальной психологии не только давал возможность выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки, но и наполнял понятия избыточными смыслами, открывая возможности их сравнительного толкования, что органично связывает ее методологию с постмодернизмом. Огромной заслугой Г.М. Андреевой было то, что она смогла привить своим ученикам и коллегам «вкус к экспериментам», стремление к использованию разнообразных методов и инструментария, интерес к «выпуклым» фактам. Поэтому присутствующая ей философская рефлексия не уводила

от погружения в социум, анализа конкретной социальной ситуации, что было, в частности, большим недостатком американской социальной психологии.

Естественно, что для отечественной социальной психологии одной из первых на повестку дня встала проблема метода исследования. Острота этого вопроса была связана еще и с тем, что, несмотря на внешнее расхождение подхода к критериям достоверности и способам интерпретации данных, в отечественной психологической науке и позитивизме было много общего. Однако эти критерии, введенные еще О. Контом, мало пригодны для современной науки и, тем более, для социальной психологии. О специфике психологического эксперимента и опасности перенесения на него требований позитивизма многие исследователи говорили еще при зарождении экспериментальной психологии. При этом в России того времени критика позитивизма была особенно активной, что возможно связано и с отмеченной А.В. Юревичем «иррационализацией» общественной жизни», свойственной российской действительности во все времена. При анализе психологических явлений субъективности избежать совершенно невозможно, так как испытуемый/респондент не только объект эксперимента, но и всегда его субъект, привносящий свою мотивацию, свой опыт и способности в его результаты. Активен и исследователь, который на основании своего опыта, своих целей и установок и конструирует, и интерпретирует данные. При этом плохо не то, что мы не можем избежать этой специфики, но то, что мы ее не учитываем в силу позитивистских установок об «объективности полученных при эксперименте данных», которые не становятся более объективными и после обработки при помощи методов математической статистики.

Позитивистский подход был особенно явственен в советской психологии в 1960–70-е годы, однако он соответствовал и логике развития психологической науки, не исчерпавшей к тому моменту весь потенциал своего становления в

логике позитивизма. Большинство ученых еще надеялись получить ответы на многие значимые вопросы от естественнонаучной психологии, повышая валидность и надежность экспериментов, привлекая серьезный математический аппарат для обсчета полученных данных. Конечно, позитивная психология имела и имеет не только одни недостатки, недаром в начале XX века, несмотря на опасения многих ученых, ее преимущества перевесили недостатки. Да и много проблем, доступных объективному исследованию, еще ждало своего решения, не все они решены и сегодня. Однако время показало, что отход от философии не только не продуктивен, но и вреден для психологии.

История науки доказывает, что продуктивное развитие нового направления стимулирует появление многочисленных научных школ. При этом необходимо помнить о том, что в науке существует два варианта построения научной школы. Во-первых, это школы, целью которых является осуществление определенной научной программы. В основе такой школы лежат идеи основателя, которые развиваются и дополняются его коллегами и последователями. Такой, например, была берлинская школа М. Вертгеймера, создавшего из лаборатории по исследованию восприятия школу гештальтпсихологии. В том случае, если исчерпывается научная программа основателя школы или возникают серьезные препятствия в продолжении исследований, такая научная школа заканчивает свое существование, сменяясь другими школами.

В то же время существуют научные школы и другого плана, в основе существования которых стоит лидер, который является учителем для своих сотрудников, формирует научное самосознание будущих коллег, заражая их своим отношением к определенным идеям. Так создается коллектив новой школы. Такая школа оканчивает свое существование только в том случае, когда распадаются эмоциональные связи между учителем и учениками-сотрудниками. Как правило, определенное научное сообщество становится школой либо первого, либо второго типа.

В середине XX века в российской психологии начала активно развиваться научная школа социальной психологии, созданная Г.М. Андреевой. Ее уникальность состоит в том, что она сочетает в себе черты обеих школ — то есть существует и ясно очерченная программа исследования, и четкая методология, в парадигме которой проводятся все работы учеников и сотрудников Г.М. Андреевой. В то же время ей присущи и все черты школы, в которой доминирует яркий харизматический лидер и присутствует эмоциональная сплоченность между ее членами. При этом фактически в школе существует и организационное начало в виде формальной малой группы (коллектив кафедры социальной психологии МГУ), и неформальное объединение большой группы учеников (прямых и непрямых) и последователь Андреевой.

Начало школы было положено организацией кафедры социальной психологии на факультете психологии МГУ в 1972 году. Социально-психологических традиций в советской психологии в то время практически не было, так как новые исследования только начинались, а связь со старыми, проводимыми еще В.М. Бехтеревым, Л.И. Петражицким, М.М. Ковалевским, была прервана, и с начала 1930-х годов социально-психологическая тематика была практически закрыта для изучения. Поэтому методология новой школы создавалась Андреевой фактически с чистого листа, а в ее основание были положены принципы социологии, психологии и философии. Изначально в основание школы была положена методология исследования социального бытия в виде системы, в которой живет и развивается человек, что сделало ее открытой для новых идей, созвучной постмодернизму и неклассической психологии, и, в целом, новой науке XXI века.

В оппонентный круг Андреевой входили не только современные отечественные психологи,

но и основатели социальной (общественной) психологии в России, а также ведущие зарубежные теоретики. Это также стало одним из факторов, позволивших Г.М. Андреевой и ее коллегам легко войти в современную науку, так как отвечало сетевому принципу отбора информации, в котором как бы неводом ловятся все созвучные научной программе школы идеи.

В то же время специфика социальной психологии, ее изначальная междисциплинарность приводили к необходимости с самого начала выстраивать ее концепцию на четкой методологической основе, вводить в рамки определенной парадигмы, в которой бы объяснялись и наполнялись смыслом эмпирические данные. В силу многих причин и, прежде всего того, что кафедра была организована на факультете психологии, где в то время доминировала теория деятельности А.Н. Леонтьева, социальная психология выстраивалась в русле деятельностной парадигмы. Как отмечает Андреева, ей хотелось с самого начала использовать потенциал этой школы для создания на ее основе и лекционного курса, и программы научных исследований. Однако категориальный аппарат, используемый ею, был аппаратом социальной, а не общей психологии. Это изначально дало возможность достаточно широкой трактовки некоторых положений и принципов теории деятельности в русле социальной психологии (социальный контекст, принцип активности, образ мира и т. д.), и делало открытой для последующей имплантации и новых идей, и новых категорий.

Деятельностная парадигма, претерпевшая в теории А.Н. Леонтьева серьезные изменения к 1970-м годам, оказалась очень созвучной социальной психологии, так как позволяла разработать методики, которые, оставаясь в рамках объективности, открывали бы возможность исследовать и субъективные параметры общения. Именно с этой точки зрения важным представляется сегодня выделение трех сторон общения в школе Г.М. Андреевой. Это позволило говорить не только о мотивационной, но доступной для прямого и непосредственного

исследования, составляющей, но и о взаимодействии, обмене информацией и восприятии, происходящих в процессе общения и открытых для построения исследовательских методик. Положение о связи потребности, мотива и деятельности, на которое опирались экспериментальные методики, изучавшие мотивацию человека в разных видах деятельности, использовалось в данном случае для изучения определенной деятельности — общения в его разных ипостасях. Занимающие существенное место в социальной психологии прикладные аспекты — психотерапия, тренинги, менеджмент и т. д., которые не развиваются сами по себе без опоры на фундаментальную науку, также нашли свое место в русле деятельностного подхода, получив возможность разработки новых технологий управления и обучения.

Однако, пожалуй, главное, что было блестяще использовано Андреевой при построении концепции социальной психологии, это положение Леонтьева об общественной практике, опосредующей восприятие мира социального субъекта. Социальная природа личности, постулируемая в концепции деятельности, опиралась также на положение К. Маркса о том, что без обращения к другим, человек не может понять и себя. Таким образом, категория общения вводилась в социальный контекст и связывалась с категорией личности, что позднее актуализировалось в исследованиях, проводимых в школе Андреевой и посвященных социальной психологии личности. А в 1970-е годы принцип «социального контекста» давал возможность выхода из стерильного мира лаборатории и идеальной «отрешенной» среды к среде социальной, к социальному бытию.

Этим не только преодолевалась ограниченность позитивистской традиции в социально-психологических исследованиях, о чем во второй половине XX века заговорили многие психологи, но приводило к новому ракурсу исследования процесса взаимодействия человека с окружающей социальной средой, важнейшей детерминантой которого становилось социаль-

ное познание. Категория социального познания, которая является ведущей в школе Андреевой, объединяя научно-исследовательские работы сотрудников кафедры, ее учеников и последователей, предугадала как магистральное направление современных работ в социальной психологии, так и постмодернистские тенденции современной науки. В исследовании этой проблемы сводятся, сталкиваясь и соединяясь между собой в своеобразный «коллаж», несколько философских и психологических концепций, ведущими из которых, на мой взгляд, являются экзистенциальная философия и гуманистическая психология, психология деятельности А.Н. Леонтьева и культурно-историческая парадигма в ее разных вариантах (А.А. Потебня, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский). При этом основными точками соприкосновения здесь становятся понятия бытия, значения и смысла.

Если Леонтьев писал о важности общественной (социальной) практики, рефлексия которой создает значения и смыслы, формирующие сознание личности, то Э. Гуссерль и Г. Шпет — о феноменах сознания, связанных с разными видами бытия. Так, Шпет говорил о том, что существует несколько видов бытия — бытие природное, которого, как он считал, не существует в чистом виде, бытие культурное, бытие отрешенное (которое является средним между логически отвлеченным и эмпирически данным). На самом деле, утверждал Шпет, окружающая нас действительность в первую очередь не природная, а социальная, историческая, культурная. Поэтому все виды бытия соединяются в бытие социальное, которое отражает и мысли человека, и реальные предметы, и предметы творческого воображения. Доказывая это он приводил в пример любую вещь, которая несет на себе отпечаток различных видов бытия и их естественность есть весьма условная часть действительного целого и абстракция от конкретного. Мне представляется, что именно этот подход не только открывает широкие перспективы исследования социализации человека, присвое-

ния им в процессе деятельности продуктов (реальных и идеальных) общественной практики, но и помогает преодолеть натуралистическую позицию в психологии личности и найти для нее место между субъектом и духовным миром, соотнося внутреннее содержание, присущее только личности, с миром культуры. Шпет считал, что человечество в процессе своего развития создает новый мир, социально-культурный, существующий помимо мира природного. И именно этот мир и является целью социального познания, и процесс, и результат которого превращает человека в социально-культурного субъекта, а его поведение из естественного трансформируется в поведение, имеющее определенный социальный смысл. Таким образом, социальное бытие человека превращает его в социальную личность, поведение которой служит определенным знаком для других людей и одновременно для него самого. И это напрямую соотносит работы Г.М. Андреевой не только с трудами А.Н. Леонтьева, но и Э. Гуссерля и Г.Г. Шпета.

Постижение объективного (значения) и субъективного (смысла) содержания знаков, происходящее в социальном познании, ставит вопрос о той картине, образе мира, который возникает в сознании человека. Многочисленные исследования, проводимые в разных научных школах, в том числе и в школе Андреевой, показали многомерность этой картины, в которой, как в гениальной инсталляции, уживаются и дополняют друг друга различные представления, порожденные разными видами бытия. Целостность этой системы представлений, являющейся важнейшим условием ее существования, доказывается не только работами А.Н. Леонтьева, но и материалами Э. Эриксона, С. Московичи и др. Однако вопрос о том, что же лежит в основе этой целостности остается открытым. В этом плане представляется, что значение концепции Э. Гуссерля для психологии социального познания все еще не получило достаточной оценки, в частности его идея о существовании априорных постулатов,

относящихся к жизненному миру и существующих до всяких, в том числе и научных, эмпирических ценностей. Не умаляя научного знания, эти постулаты структурируют его, позволяя создать целостную систему из опытных данных опсихических феноменах. Феноменологическая редукция здесь имеет значение не только для структурирования информации, получаемой из внешнего мира, что было показано еще в работах гештальтпсихологов, частично в работах Дж. Гибсона, но и для структурирования смыслов, в том числе и для понимания себя и смысла своего существования мире.

Именно в идее смысла есть некоторое связующее звено, позволяющее перебросить мостик от Э. Гуссерля к другим авторам, в том числе и к концепции значения и смысла А.Н. Леонтьева. Говоря о жизненном мире и развитии представлений о нем, Э. Гуссерль подчеркивал, что предмет есть, а смысл — значит. Эта позиция дает возможность соотнести несколько пластов бытия, в том числе: значение и смысл предмета (что относит нас к А.Н. Леонтьеву), и значение и представление, внутренняя форма предмета (что относит к Г.Г. Шпету).

Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить таковую — совсем без содействия, интеракции с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими. Ведь именно в процессе коммуникации люди передают друг другу, как значения, так и свои смыслы, часто бессознательно путая одно с другим.

Концепция Леонтьева о содержании сознания, роли значений и смыслов в формировании психики человека, стала стимулом для развития и психологии личности, и возрастной психологии. Так, исходя из положения Леонтьева о том, что становление личности предполагает выход за пределы ближайшей среды обитания, в психологии развития было показано, как происходит расширение, наслаивание разных симпатических кругов общения в процессе взрос-

ления ребенка и переход из одной социальной ситуации развития в другую. Андреева на этом основании выстраивает модель расширения группового общения человека, в которой ведущей тенденцией является выход за пределы малой группы в большую. Таким образом, ею определяется и последовательность в социально-психологическом исследовании группы — вслед за анализом психологии больших социальных групп осуществляется переход к малым группам. Этот принципиально новый для социальной психологии подход дал возможность рассмотреть под другим углом зрения не только сам процесс коммуникации индивида и группы, но и процесс становления личности, социализации и инкультурации человека.

При таком подходе с очевидностью встает вопрос соподчинения, иерархии отношений между индивидом и группой. Этот вопрос, актуальный и для мировой социальной психологии, в которой исторически представлены две противоположные позиции Г. Тарда и Э. Дюркгейма, с особой остротой встал перед отечественной психологией, в которой индивидуализм сильной личности противопоставлялся коллективизму и соборности русской ментальности. Естественно, что в советский период (до середины 1930-х годов, когда социально-психологические исследования еще не были запрещены), это противопоставление носило еще и идеологическую окраску — коллективизма советского человека и индивидуализма буржуазного. Поэтому крайне важным представляется то, что в своих исследованиях психологии малых и больших групп, анализа их влияния на развитие личности, Андреева и ее коллеги не только смогли преодолеть эту тенденцию, частично представленную в исследованиях 1970—80-х годов, но и вернуться на новом уровне к положениям В.М. Бехтерева, который в своих экспериментах начал изучать, что происходит с личностью, когда она становится участником коллектива, чем реакция коллективной личности отличается от реакции отдельно взятой личности, а также одним из первых

описал такие явления как конформизм, групповое давление, устойчивость личности к разным видам группового влияния. Таким образом, можно видеть, что не только классическая теория деятельности, но и предшествующая ей во многих положениях рефлексология, была близка как экзистенциализму, так и отдельным методологическим положениям школы Андреевой.

Поэтому неудивительно, что в последние годы исследования процесса социализации, проблемы социальной психологии личности начинают занимать все более важное место в научной деятельности Г.М. Андреевой и ее коллег. Представляется, что в этих исследованиях можно выделить два ведущих методологических положения — принцип активности и принцип целостности (идентичности).

Признание активности человека было одним из исходных положений концепции Леонтьева — активности и в процессе познания окружающего, и в общении с другими, и в осознании себя и иерархии мотивов, образующих структуру личности. Однако, разделяя идею о том, что сущность человека проявляется в его собственной активности, прежде всего выражающейся в возможности разумного, свободного управления своим поведением, в исследованиях социальной психологии личности, подчеркивается и необходимость, и возможность исследования внутреннего мира человека, его установок и ценностей, факторов, определяющих динамику социализации и становление идентичности. Эта субъектная отнесенность, предполагающая, прежде всего, поиск методик, опосредованно отражающих структуру духовного мира личности, получает возможность объективации результатов, соотносясь с проблемой деятельности, поступка человека. Серьезной проблемой здесь становится соотношение не столько разных принципов развития личности (теории деятельности, психоанализа, экзистенциализма), сколько вопроса о детерминантах этого развития. Жесткий детерминизм, постулированный в теории деятель-

ности, не соотносится с постмодернистским утверждением того, что процесс духовного становления, самореализации человека не ограничивается причинно-следственными связями, но может быть рассмотрен через связи смысловые. Поэтому естественной именно для психологии социального познания представляется позиция, при которой психическая жизнь человека выводится из-под законов естественнонаучной детерминации, но вводится в русло культурной детерминации, управляющей продуктивной деятельностью людей. При этом именно в контексте определенной культуры и социальной ситуации развития можно судить и о причинах, и о смысле того или иного поступка человека, и о его значении для окружающего.

Принцип целостности, как неоднократно подчеркивалось в работах Андреевой, хотя и не в такой явной форме, как понятие активности, также присутствовал в работах Леонтьева, прежде всего, в его понятии «образ мира». В то же время особую роль этот принцип играл в психоанализе. Само понятие холизма в психологию личности было внесено А. Адлером, также как и первые попытки конструирования такой отрасли как социальная психология личности. В то же время все большее внимание в последние годы вызывают вопросы осознанного выбора человеком своей позиции в мире, своей группы идентичности, присущих ему ценностей. Поэтому можно говорить о том, что психология социального познания, органично соединяя в себе идеи столь разных школ как теория деятельности, психоанализ и когнитивная психология, создает в настоящее время свою концепцию социальной психологии личности.

Важным фактором в формировании личностной и социокультурной идентичности является необходимость их соотношения, так как параметры, по которым осознаются и оцениваются качества личности, являются нормами и ценностями общества, которые задаются ребенку окружающими, что опять возвращает нас к проблеме общения, прежде всего, речевого общения. Так как при понимании речи дру-

гого происходит как бы воссоздание аналогичных, но не тождественных понятий, процесс передачи информации основывается на «когнициях», то есть обобщении и кодировании информации, а затем ее декодировании реципиентом. Так как абсолютно строй представлений и образов разных людей не совпадает, то чем точнее мы поймем, что именно мы хотим сказать, какую информацию передать другому, тем более правильную форму найдем для своих мыслей и, таким образом, более адекватно воздействуем на сознание другого человека, который сможет воссоздать соответствующие нашим мыслям понятия. Поэтому, естественно, эта проблема, так же как и вопросы, связанные с изучением коммуникаций в разных социальных и этнических группах (расшифровка и интерпретация системы знаков, составляющих содержание ментальности данной нации), стали важнейшими в психологии социального познания Андреевой.

Научная гибкость, открытость и острое чувство современности, присущие Г.М. Андреевой, давали ей возможность органично сочетать ведущие для нее научные принципы и установки с новыми открытиями и тенденциями в развитии науки. Это проявилось и в ее исследованиях, посвященных связи «когниций и эмоций», и признания возросшей роли информации и информационных технологий не только в развитии общества, но и в становлении личности, и осознании и принятии нар-

ративов и как методов исследования, и как личностных феноменов. Например, именно она одна из первых заговорила о нарративной идентичности.

* * *

Символично, что на рубеже XX—XXI веков вновь, как и столетие назад, приобретает актуальность проблема смысла и сути культуры, отличий природного и культурно-исторического бытия, границ и способов влияния культуры на личность. И научная школа Г.М. Андреевой, являясь одной из ярких составляющих культурного поля, восстанавливает «связь времен» и помогает становлению и научной, и, шире, социокультурной идентичности. В ней, несомненно, существовала особая аура, способствовавшая расцвету коллективного творчества ее членов, развитию разносторонних фундаментальных и прикладных исследований.

Таким образом, становление и развитие школы Г.М. Андреевой является ярким доказательством правоты К. Держжена и идеи конструкционизма в целом, так как созданная первоначально только в идеальном плане, в воображении, эта научная школа существует и развивается сама по себе, иногда, быть может, уже и помимо представлений о ней своего основателя.

Т.Д. Марцинковская